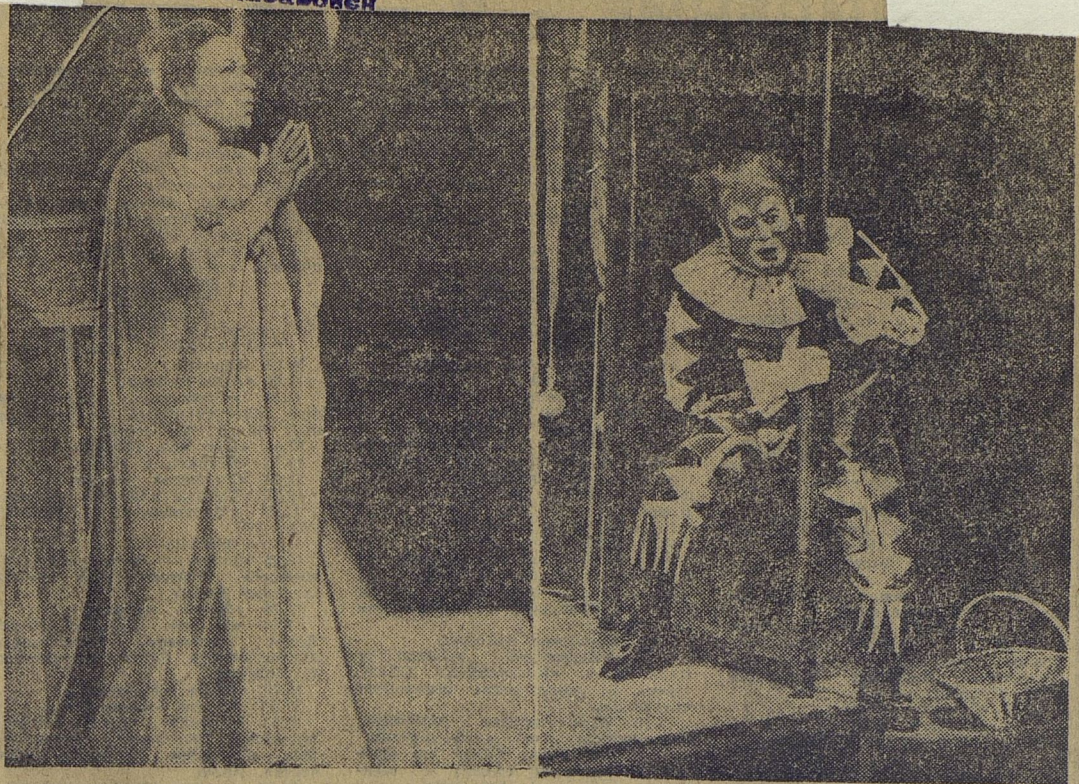

МИР ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

ТЕАТР

ИЗ КРАТКИХ по времени и разных по впечатлению встреч с оперным коллективом московского академического Музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко хочется выделить те, которые нашли наибольший эмоциональный отклик и, ответив извечной жажде художественного наслаждения, выработанным понятиям и вкусам, обогатили чем-то новым, еще непознанным.

Таким истинно творческим событием стали для нас спектакли с участием заслуженной артистки РСФСР Галины Писаренко и народного артиста РСФСР Леонида Болдина. Природа творчества этих актеров, конечно, глубоко различна, что лишний раз убеждает в безграничных возможностях вокального и сценического искусства, в значении для театра творческой и человеческой индивидуальности. И все же при всем своеобразие и непохожести исполнительской манеры есть у Писаренко и Болдина нечто общее. Это, в первую очередь, умение проникнуть в сложный мир души человеческой, приоткрыть нам «уголки сердца».

С искусством Галины Писаренко мы познакомились в спектакле «Нежность». Вплоть естественно, что произведение украинского композитора В. Губаренко привлекло к себе особое внимание — большинство слушателей оно неизменно записи на пластинку еще не сделаны.

Ни театр, ни певцы не могут ограничить себя только классической оперной литературой. Это привело бы к творческому застою, остановило бы развитие современной музыки, которая значительно для нас выражением чувств и образа мышления человека XX века.

Интересна и литературная первооснова оперы Губаренко — одноименная новелла Анри Барбюса. Впервые опубликованная у нас в стране в 1963 году, сначала на газетной полосе, а затем в книге рассказов французского писателя, озаглавленной «Несколько уголков сердца», новелла «Нежность» сразу взбудоражила воображение читателя и психологической остротой женского портрета, и необычностью судьбы героини. Любовь оказалась выше обстоятельств и боли разрыва, она пережила даже самую смерть самоотверженной женщины.

Нетрудно понять необычайную сложность задачи, стоящей перед исполнительницей главной и единственной роли в опере. Интерпретация нового произведения всегда связана с проблемой зрительского восприятия незнакомого материала, непривычного музыкального языка.

Сохранив форму арелллы, форму писем любви, Губаренко создал монодраму для сопрано и оркестра. И если невозможно с одного прослушивания в полную меру оценить все достоинства произведения, то можно сказать о том эмоциональном воздействии, которое оставляет образ героини Г. Писаренко. Сложное пение сумела сделать по-человечески понятным и волнующим.

Светлый, чистый голос, равно подвижный во всех регистрах, легко летящий в зрительный зал, — ему подвластны и тончайший лиризм и яркий драматизм, он в силах выразить и огромную нежность героини, и ее отчаяние. При

этом певица нигде не переходит той грани драматизма, которая бы означала сентиментальность, надрыв. Ее героиня до конца сохраняет человеческое достоинство, и только контрастность динамических переходов от одного состояния к другому говорит о той внутренней борьбе, которая происходит в душе женщины.

Следует отметить и безупречную сценическую речь Галины Писаренко.

Сосредоточенность на внутренней жизни образа исключает активность внешнего действия. Вот почему бытовые подробности поведения порою кажутся излишними, отвлекающими от психологического самоуглубления героини. Здесь мы имеем дело с той формой сценического действия, когда именно голос способен выразить внутренний мир человека.

В раскрытии психологического подтекста драмы существенная роль принадлежит и оркестру (дирижер — заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Жемчужин). Особенно волнует своеобразный диалог оркестра и вокалистки в коротких эпизодах воспоминаний о минутах былого счастья и уверенений женщины в ее сегодняшних радостях. Их несоответствие настоящему и придает исповеди напряженный драматизм. Эти сцены наиболее сильные в режиссуре спектакля (народные артисты РСФСР Л. Михайлов и Н. Кемарская). Решение уйти из жизни так не вяжется с прекрасным образом молодой изящной женщины, со всем, что ее окружает. Сиреневато-белая гамма легкого, ажурного оформления (художник — заслуженный деятель искусств РСФСР и Туркменской ССР А. Лушин) тоже создает тошное настроение, соответствующее душе в нем у свету женщины любящей не мелко, не эгоистично и в последние свои минуты думающей о душевном покое любимого... В ее решимости умереть нет ни мести, ни жервенности, а есть нравственный максимализм, исследование которого и посвящен спектакль.

ЛЕОНИДА Болдина мы услышали впервые в опере Чайковского «Евгений Онегин». Он пел партию Греммина. В облике этого Греммина нет ни внешней импозантности, ни светского блеска. Сцену с Онегиным Болдин начинает сдержанно, как бы нехотя, не выдавая своих чувств, внимательно оценивая собеседника. Он как-то даже не интересен поначалу. И вдруг в зале наступает чуткая тишина, верная примета нечто такого, что нельзя упустить. Почувствовав доверие к Онегину, Греммин, наконец-то, обнажает свою душу. Интимность исповеди достигается певцом не только волнующим пианиссимо, но верно переданным душевным состоянием уже немолодого, глубоко любящего человека. Зрительный зал точно ощутил этот момент подлинного актерского творчества на сцене.

Уже в партии Греммина Болдин проявил сценические качества, которые делают его истинным актером театра К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, верным принципам исследования в каждом образе «жизни человеческого духа», непрерывности действия, бережного отношения к слову, исполнителем, добившимся синтеза пев-

ческого и актерского искусства.

С большим успехом выступил артист в партии Тонно в опере «Паяцы», полностью раскрывшей его вокальные данные и драматический темперамент.

С первых же музыкальных фраз становится ясно: талант музыкальный, освещенный интеллектом личности, голос широкого диапазона, красивого тембра, способный донести до слушателя все нюансы психологически сложной партии.

Режиссеры-постановщики — народный артист РСФСР Л. Михайлов и заслуженный артист РСФСР А. Талмазов выстраивают спектакль так, что уже в интродукции дается точная расстановка действующих сил, взаимоотношения основных героев, заявлена тема оперы. И в исполнении пролога Болдин идет не только от жалкой психологии бродячего актера, сейчас здесь на сцене он — Актер, властитель зрительских дум, служитель искусства.

Здесь у певца совершенно иной звук, чем в опере Чайковского. Такова способность Болдина к перевоплощению, что характер вокального звучания находится у него в прямой зависимости от образа. В «Паяцах» звук у Болдина — полный, насыщенный, выявляющий страсти героя впрямую, в открытую.

Дальнейшее развитие образа рисует нам другие стороны натуры Тонно: его неудовлетворенную страсть к Неде, одиночество, злобную мстительность. Глядя на Тонно-Болдина, вспоминаешь строки Александра Блока: «В тайник души проникла плесень, но надо плакать, петь, идти, чтоб в рай моих заморских песен открылись торные пути».

Истинный смысл поступков героя раскрывает и музыка, звучащая в оркестре (дирижер — заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Жемчужин). Чистота звучания, тонкость интерпретации, великолепная ансамблевая игра позволяют оркестру стать активным участником действия, дополнять образы действующих лиц, сделать их эмоционально богаче. Мощная, насыщенная страстями, полная глубокого драматизма и человечности, музыка Леонкавалло помогает увидеть в Тонно, так же, как и в других персонажах спектакля, в Канию (арт. В. Осьпков), в Неде (заслуженная артистка РСФСР Л. Захарченко), людей трудной судьбы. Таково и режиссерское прочтение оперы и сценография спектакля (художник заслуженный деятель искусств РСФСР и Туркменской ССР А. Лушин), свободные от оперных штампов, соединяющие яркую театральность с верностью жизненной и сценической правде.

Многоплановость действия (мы видим героев в жизни и на сцене), многоплановость образов, данных в столкновении любви, зла и страдания, — все это рождает живой, страстный, взволнованный спектакль, вызывающий гуманное отношение к его героям, сопереживание и сострадание к ним.

Оперы «Нежность» и «Паяцы» не случайно идут в один вечер. Они позволяют нам одновременно утолить жажду из бессмертного источника классической музыки, познакомиться с одним из новых произведений оперного репертуара, сопоставить разность музыкальных рассказов о светлых и темных сторонах человеческого души.

К. ДРЕРМАН,
И. СОБОЛЕВСКАЯ.

На снимках: Г. Писаренко в спектакле «Нежность» и Л. Болдин (Тонно) в «Паяцах». Фото В. Тищенко и А. Мезенцева.